

Юлия Ляликова

ВОЛШЕБНЫЙ
ЗАПАХ ПОЛЫНИ

Юлия Ляликова

Волшебный запах полыни

«Издательские решения»

Ляликова Ю.

Волшебный запах полыни / Ю. Ляликова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858771-9

Первоначальная идея состояла в преобразовании старых семейных альбомов в цифровую форму с сопровождением фотографий, документов и других архивных семейных материалов поясняющими текстами: при каких обстоятельствах, в какое время, в каких местах происходили важные для семьи события. Кто, когда и где изображен на снимках. В процессе работы тексты стали занимать все больше места, и таким образом книга заявила свои права. Получилась книга семейных историй — семейный альбом.

ISBN 978-5-44-858771-9

© Ляликова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Семейный альбом	6
Взгляд в прошлое	14
Что такое родина?	16
Подвижник Рубен Аджимамедов	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Волшебный запах полыни

Юлия Ляликова

Дизайнер обложки Мария Брагина

© Юлия Ляликова, 2017

© Мария Брагина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8771-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семейный альбом

*Нашим родным – с любовью,
Нашим детям – с надеждой...*

Однажды осенью я шла дворами по каким-то своим надобностям, дорога пролегла неподалеку от обычной мусорки, организованной в каждом дворе. Стараясь «не вступить» и не вдохнуть специфических ароматов, я наткнулась взглядом на лежащий между мусорным контейнером и тропинкой старый семейный альбом. Его страницы стояли веером, ветер листал их, то приоткрывая, то захлопывая. Там были фотографии. Я оцепенела. Что это! Господи, что это?

Кто выбросил? Дети, внуки умерших стариков? Ну, не сами же хозяева. Может быть, это сделали новые владельцы квартиры, выбрасывая «хлам» прежних жильцов? В любом случае мне представилась самой вероятной версия, что хозяев нет в живых, а альбом выбросили не потомки, а чужие люди. Согласиться с тем, что так могут поступить наследники, было невозможно. На некоторое время я, в полном ступоре, забыла, куда и зачем шла. Не знаю, почему я не подняла этот альбом: побоялась лезть в грязную лужу? Теперь я жалею, что не сделала этого. А тогда я, повернув обратно в сторону дома, не могла отделаться от воображаемой картины: альбомы, фотографии моей семьи валяются где-то у помойки, их разносит ветер, забрасывая в грязные лужи. А мимо идут люди, идут люди...

Я начала лихорадочно думать, как сделать, чтобы такого не случилось со мной. И, грешница, подумала, что никто не даст гарантии от *такой* смерти памяти, собираемой и хранимой десятилетиями в каждой семье о родных, близких, если не предпринять каких-то, пока не знаю каких, мер. Дело в том, что жизнь за последние 15—20 лет так изменилась – ее формы, так называемые артефакты; что-то из физических форм перешло в формы виртуальные, не занимающие много места, не нарушающие современный стиль или еще что-либо. Иное просто стало немодным. Кажется, именно это произошло со старыми семейными альбомами. Многие их спрятали подальше в шкафы. Но выбрасывать, мне кажется, еще рано, и эти предметы не заслужили такой судьбы. Можно выбросить старый шкаф, диван, стулья, но память!

Что попусту рассуждать, нужно, пока не поздно, продумать собственные меры, чтобы ничто и никто – ни время, ни люди – не мог поглумиться над святынями.

Иногда кажется, что новая жизнь жестко и жестоко отрицает старую жизнь вместе с еще живыми ее носителями или вещественными знаками. Обижаются на молодежь старики, не находя себе места в новых, не всегда понятных реалиях жизни. Новодел вымещает или грубо растаптывает знаки старины. Новые города не предполагают комфортного существования стариков. В новом ритме и стиле жизни кажется, что, кроме стариков, некому будет печалиться об утратах памяти. Молодым некогда оглядываться.

Сейчас для меня наступило время готовиться к неизбежному, так как жизнь в общем-то прожита...

Я за собой числю большой долг перед своими родными: отцом, матерью, дедушками и бабушками. Не знаю, удастся ли мне хоть частично уберечь их, давших мне жизнь, от полного забвения, но я попробую.

Моя беда состоит в том, что в свое время я пренебрегала собиранием и сохранением знаков жизни моих родных и близких, а теперь, когда хватилась, поняла, что со смертью родителей и бабушек-дедушек безвозвратно потеряла бесценные сведения, те ниточки, которые могли бы связать нас – ушедших, живущих и тех, кто придет нам на смену.

Многие годы я посылаю в пустоту вопросы, которые не удосужилась в свое время задать своим родным. Но, несмотря на очевидную тщетность, я все задаю и задаю им эти вопросы, ответы на которые исчезли вместе с прошлым.

Единственное, что смягчает мою вину, это то, что не одна я такая бестолочь. У многих очень известных людей в их воспоминаниях звучит подобное запоздалое раскаяние.

Многие люди стремились сохранить память о своих близких, о себе. (Правда, чтобы быть уж совсем искренней, далеко не все, более того, некоторые считают мое теперешнее занятие пустой блажью, которой я занялась от безделья.) Раньше *носителями* такой памяти для потомков были дома, вещи, драгоценности, портреты, переходящие наследникам из поколения в поколение. В этих предметах жил дух времен, души прежних их хозяев. Они как-то влияли и на потомков, от чего-то их остерегали. В бедные советские времена некоторым доставались отчие домишки, «великим» устанавливали памятники, на домах, где они жили, вешали памятные доски.

Простые советские люди (была такая нация, ее потомки заселяют теперешние российские просторы) в городах заводили семейные альбомы, а в селах вешали на видное место общую рамочку, в которую собирали фотографии родни. Но времена безвозвратно меняются, даже память подвергается влиянию времени и моды, и сегодня в городском жилище практически невозможно увидеть семейную рамочку, а альбомы переключиваются с почетных мест на дальние полки шкафов, а то и в чуланы. Трагическая судьба постигает старые семейные альбомы после смерти последних их хозяев, когда не то что чужие люди, заселяющиеся в жилье, а молодые наследники, родственники, чаще внучатого уровня, избавляются от этих реликвий, как от ненужного хлама.

Как больно видеть у мусорных ящиков такие альбомы! Ведь это все равно что выбросить на помойку часть чьей-то жизни со всеми ее радостями и бедами, надеждами и разочарованиями. Я думаю, никто из живущих не хотел бы, чтобы с дорогими знаками памяти о его жизни, жизни близких так обращались, чтобы фотографии крутил ветер вокруг мусорных ящиков, а случайные прохожие наступали на дорогие лица, втоптывая их в грязь... Но и вернуть традицию семейных вечеров с рассматриванием фотографий, сопровождаемым пояснениями, кто, когда, где, с кем, тоже не вернуть. И в новых интерьерах этим вещам, скорее всего, не найдется надежного места. Да ведь и новый образ жизни, более мобильный, менее склонный к основательному обустройству на одном месте, не способствует домашней «музеефикации».

Так что же делать? Слава богу, технический прогресс дает реальный шанс собрать, привести в порядок, систематизировать – и желательно сопроводить поясняющими текстами – снимки, рисунки, да что угодно! Да хотя бы сделать фотографии старого родительского дома, который придется снести, а на его месте построить новое современное жилье. У всех найдутся милые сердцу, знакомые с детства предметы: мамина любимая чашка, вышитая мамой или бабушкой салфетка, вязаный абажур, да мало ли что хранится в уголках дальних шкафов с риском быть когда-то выброшенным. Если уж нельзя сохранить сами вещи, то оставить хотя бы их «портреты» с «жизнеописанием» вполне можно.

Наблюдая перемены в отношении молодежи, в том числе моих детей, к традициям, очень долго сомневалась: стоит ли это все затевать, не подвергнется ли осмеянию или холодному равнодушию – что еще хуже – то, что было мне так дорого?

Но тут меня нежданно-негаданно подбодрили уважаемые мною люди – писатели, чьи высказывания я соблазнилась привести в моей работе с целью поддержания и моего духа, и самой идеи. Привожу здесь переписку с Людмилой Улицкой по поводу моего участия в ее проекте «Детство 49», позже переименованном в «Детство 45—53: а завтра будет счастье». Я счастлива безмерно оттого, что более чем из тысячи работ, присланных на конкурс, мой небольшой очерк попал в сотню отобранных для сборника. Привожу несколько цитат, подходящих к моему случаю.

Дорогая Юлия!

Спасибо Вам за присланные воспоминания. Мы даже не ожидали, какие яркие и интересные отклики вызовет наш проект. Очень надеемся, что книга получится очень интересной.

Всего Вам доброго,
Ваша Людмила Улицкая
29.08.2012

Дорогая Юлия Николаевна!

Закончилось время получения писем, и я уже с месяц как занята составлением книги. Ваше письмо замечательное! Я не смогу целиком опубликовать всё, что Вы написали, но, безусловно, возьму самое начало Вашего текста – где Вы идете мимо помойки... Во второй части книги я собираюсь дать несколько биографий, вот таких писем с семейной историей, и хотела бы туда вставить и Ваши воспоминания, в сокращенном виде. Мне жаль, что формат не позволяет напечатать всё. Но таков замысел – показать, что то, что называют «народом», – это собрание отдельных людей, а не аморфная масса, пригодная на строительный материал для какой-то неведомой нам истории, предположительно, великой. Шлю Вам привет и благодарность, у меня при чтении Вашего письма было чувство теплого общения и глубокого понимания.

Всего Вам доброго,
Людмила Улицкая

Дорогая Юлия Николаевна!

Среди многих полученных писем Ваше было для меня самым значительным, именно им и начинается сборник. Он выйдет в мае! Всего Вам доброго!

Людмила Улицкая

Т. Толстая (Slon.ru, 2012):

Грамотность ведь мешает человеку писать. Чем грамотнее он, тем больше его смущает масса прекрасных классических текстов. *Как это – и я туда буду лезть? Что это такое?* (Выделено мною. – Авт.) Это же очень тяжело. Тут нужно как-то затуманиться, задуматься и тихо петь твою песенку. А когда оглянешься – и твоя песенка устоялась, и ты – особая птичка, не такая, как другие. *Когда человек начинает писать, он всегда себя относительно каких-то икал меряет. И все страшно, все его пугает. Он боится, что его засмеют.* Или что выяснится, что сам того не хотел, а он плагиатор, например. Или что все уже сказано, или он не понимает, что сейчас носят. Прежде всего надо перестать понимать, что носят.

Александр Генис:

Писатель – это искусный читатель своей жизни. И в этом состоит единственное призвание литературы.

Борис Жутовский:

Время – такая странная субстанция, в которой хочется пребывать как можно дольше и которая идет быстрее, чем хочется, и оказывается короче, чем кажется.

... Но надо готовиться к путешествию. Билет оплачен, поезд стоит: «Идут года, остатки сладки и грех печалиться! Как жизнь твоя? Она в порядке! Она кончается!» – как написал Игорь Губерман.

Когда я, по-советски комплексуя, видно не выдавив еще из себя совка, размышляла, стоит ли оставлять память о предках, среди которых, как оказалось, нет ни одного генерала (слава тебе, господи!), ни одного депутата (и за это отдельное спасибо). Во мне рос и рос какой-то неосознанный протест против признания «малозначимости» родных мне людей. Я ощущала какую-то неправду и несправедливость. Вот я даже и сейчас как будто перед кем-то, не знаю в чем, оправдываюсь.

И вдруг что-то сложилось! Ничего себе, маленькие люди, винтики да болтики. По жизням моих родных прошли колеса всех российских исторических событий, оставив в их судьбах неизгладимые, в основном трагические, отметины. Нет уж, без таких, как мои родные, миллионов россиян никакое колесо истории не сделало бы и оборота, и не было бы никакой страны, ни великой, ни могучей. А была бы территория, переходящая из рук одних правителей в руки других. И что бы без них, не упомянутых в хрониках, делали все вместе взятые цари, генералиссимусы и генеральные секретари?

Вот представьте, был бы в семье какой-нибудь генерал или академик, да все вокруг них бы и крутилось: вот они такие и сякие, смотрите, дети, как надо жить! Учитесь и гордитесь! А так, в отсутствие в нашем древе гигантов жизненного успеха, я могу уделить каждому, кого знала и любила, столько внимания, сколько позволит моя память, без оглядки на чины и звания.

И ведь в каждой семье есть что сказать о близких. Я вдруг поняла, что они, наши предки, не только имеют право на память о них, но мы, как любящие их всех, обязаны сохранить хотя бы те крохи свидетельств об их жизни, что остались, и передать их своим детям.

Я, конечно, тревожусь, что станет с этими материалами, как распорядятся ими мои дети, внуки, но не думаю, что мои тревоги – повод для ничегонеделания.

Первоначальная моя скромная задумка была такая: сделать виртуальный семейный альбом, сопроводив фотографии комментариями. И я приступила к реализации своего плана. Но уже вскоре, собирая информацию и формируя альбом, я поняла, что никакой альбом не уместит и не отразит всего, что я знаю, что помню и что разыскала в интернете и в других источниках. Тексты превратились из обслуживающих фотографии комментариев в самостоятельные очерки, целые главы. Текст занял доминирующее положение, а я с этим уже ничего поделать не могла.

Книга сама заявила о своем праве на ее создание.

Дальше – больше. Оказалось, что собирательством семейных историй занимается множество граждан, что этим делом в последние годы занялись не только писатели, журналисты, известные люди, но и обычные, правда, в большинстве своем пожилые, как я, люди. Это объяснимо. Приходит время, когда смотреть в будущее не так актуально в личной перспективе, и человек поворачивается на 180 градусов и, всматриваясь в прошлое, находит там утешение и много чего другого. Сбережение народной памяти на основе частных историй семей объединяет граждан в большое общественное движение.

Народ пишет историю народа! Не историю государства, чему посвящены тысячи тонн томов, а народа. В чем уникальность и ценность наших (я уже включила себя в это народное движение) проектов: у нас нет нужды приукрашивать (ну разве что чуть-чуть), искажать, замалчивать. Мы пишем «по заказу» умерших родных и близких, а не ради чинов или славы. И «по заказу» своих потомков, которым нам нет резона врать. Государство в лице своих «под-

рядчиков» пишет свою историю, как историю побед и достижений, порой затаптывая и искажая историю своих предшественников во власти. Собственно, история народа никогда и не интересовала «государственников». Там главные герои – цари, князья, полководцы да президенты, а народу и его истории там нет места. Мы для них расходный материал или еще что похуже. Поэтому надеяться, что государство закажет написание правдивой народной истории, не следует. А мы своим детям обязаны рассказать, как и чем на самом деле жил народ. Я думаю, что когда-нибудь найдутся исследователи, которые по нашим отдельным историям напишут истинную историю народа российского. А другие из следующих поколений продолжат эту работу.

Уверена, историю народа может написать только сам народ.

Приняв решение о реализации проекта «Моя семья, семейный альбом», я начала с составления реестра исторических событий и катаклизмов, в которых, как мне доподлинно известно, непосредственно участвовали мои родственники.

Итак, оба моих дедушки, Скибин Федор и Сердюков Павел Иванович, служили в царской армии, участвовали во всех войнах.

Родители моего дедушки Павла Сердюкова и бабушки Надежды Петровны (в девичестве Лысенко) – Иван Сердюков и Петр Лысенко со своими семьями – участвовали в XIX веке в заселении Кавказа, предварительно отслужив Отечеству в царской армии по 25 лет.

Мой дедушка Павел Иванович Сердюков участвовал в Первой мировой войне, отслужил в царской армии шесть лет.

Он же активно участвовал в Октябрьской революции, в Гражданской войне, устанавливал советскую власть в Буденновске.

Мой отец, Скибин Николай Федорович, пришел с фронта инвалидом и умер, не дожив до 40 лет. Оба его брата, Илья и Семен, погибли. Мой дядя по маме, Аркадий Павлович Сердюков, участвовал во Второй мировой войне и стал инвалидом и, хотя он дожил почти до 70 лет, всю жизнь сильно болел.

В конце концов я уверилась в том, что собрать и сохранить, что возможно, – это мой долг, а вот опустить руки и сказать самой себе, что это никому, кроме меня, не нужно, – это будет моим грехом как по отношению к ушедшим, так и по отношению к моим потомкам. С чего это я за них решила, что они наплюют на все и всех, что *никому* из моих детей, внуков, правнуков не захочется заглянуть в прошлое? Ну и что, что сегодня они, не скрывая скуки, выслушивают рассказы о моих бабушках и родителях. Разве я могу поручиться, что через год-два-три, десять или двадцать лет кто-то из них не спохватится и, даже хотя бы от скуки, не захочет заглянуть в наше общее прошлое. И что же они увидят, кроме, в большинстве случаев безымянных, бессловесных, пожелтевших, а то и попорченных временем, снимков? Вот и придется им кусать локти, как сейчас это делаю я.

Сегодня у тех, кто верит в необходимость сохранить все возможное о прошлом своей семьи, имеется фантастическая возможность сберечь драгоценные крохи памяти о родных и близких, не загромождая свое жилище массивными альбомами, смешными рамочками, не портя новые интерьеры. Все просто: компьютер, сканер, редакторская или издательская программа, компоновка фотографий, сопровождение фото текстом, запись на современные съемные компактные носители, пара экземпляров на бумаге, как напоминание родне о наличии электронной версии. Места занимает такая семейная электронная память не больше дамского кулончика, а качество при определенном старании – ни в какое сравнение с бабушкиными альбомами.

Здесь возникают два беспокоящих обстоятельства. Первое: маленькую вещь и потерять легче, поэтому автор должен озаботиться, чтобы флешка не была выброшена при ближайшей уборке дома. Сделать, например, несколько копий и упрятать их в разных местах. Можно положить на хранение флешку в какую-нибудь специальную красивую шкатулку. Второе серьезнее: техника так стремительно меняется! За последние годы сменилось несколько поколений носи-

телей – где теперь дискеты? В новых компьютерах уж и дисководов нет. Вероятно, радикально изменятся и компьютеры, и съемные носители. Но выход наверняка найдется. На худой конец, выручат родные бумажные экземпляры. Да и с потомками надо будет поработать, убеждать их в том, что память человеческая не меньшая ценность, чем другие блага.

Хотим мы этого или не хотим, но целый пласт семейной культуры, связанный с созданием, сбережением семейных альбомов, уходит со временем, когда хранимые в альбомах фотографии были практически единственными зримыми свидетельствами частной жизни людей, их отношений. Собираательницами и хранительницами этих семейных фотодокументальных архивов, устройтельницами просмотров снимков, сопровождаемых комментариями, чаще всего выступали мамы или бабушки. Потом подключались дети, пополняли альбомы персонами и фактами – так развивалась документальная история семьи.

Приход в гости всегда сопровождался просмотром альбомов. Пока хозяйка хлопотала на кухне и накрывала стол, кто-то из членов семьи, развлекавших гостей, доставал альбом, скрашивая ожидание угощения. Вокруг где-нибудь на диванчике собирался кружок зрителей, и начинался просмотр с рассказом: кто, когда... Это был целый пласт домашней жизни, народной семейной культуры.

Таким посиделкам положило конец появление телевизора... Ну да что горевать, это реальность.

Дело в том, что фотография ведь не просто мертвая картинка, сохранившая образы уже ушедших из жизни людей. Это на самом деле запечатленные, остановленные реальные мгновения чьих-то жизней, искорки прошедших времен. Очень жаль, что в большинстве случаев хозяйка альбомов не оставляли подробных комментариев к фотоснимкам: кто, когда, по какому поводу и так далее. Иногда делали записи на обороте фотографий – имена, даты, место снимка. Эти записи значат очень много, они оберегают эти реликвии от обезличивания, от полного забвения персонажей, изображенных на снимках. Увы, даже такими скупыми записями не всегда сопровождаются снимки, что печально. Впервые серьезно о судьбе домашнего фотоархива я задумалась в связи с продажей в 2013 году нашего просторного дома, в котором было предостаточно места для всего на свете, накопленного за полвека существования нашей семьи. Но когда было принято решение о переезде в скромную по размерам квартиру, первой проблемой стало: а куда девать все наше добро – книги, разные милые безделушки и т. д. Оказалось, что мы обросли массой как необходимых в быту предметов, так и множеством вещей, без которых мы вполне можем обходиться. Раньше мы не выбрасывали, что нам не очень нужно в данный момент, а сносили в подсобные помещения и часто просто забывали о них. Бывало, годами не вспоминали. Перед переездом в течение пары месяцев мы ревизовали свое имущество, отбирая только то, без чего в новых условиях малогабаритной квартиры мы обойтись не сможем. С остальным (чуть ли не 70 процентов нажитого добра) решили расставаться радикальным образом, отбросив ностальгические эмоции, связанные с памятью об обстоятельствах, при которых приобретались все эти вещи. Большинство из наших вещей приобреталось еще при советской власти. То есть в эпоху тотального дефицита всего на свете, кроме газеты коммунистов «Правда». Теперь все иронически вспоминают о тех временах, когда даже покупка рулона туалетной бумаги сопровождалась нешуточными волнениями (хватит, не хватит), в случае удачи – ощущением маленькой радости. Такими радостями была наполнена вся наша жизнь: достала курицу, купила тушенку, выбросили сапоги и т. д. и т. п. А что сейчас? Ни тебе очередей, ни дефицита, ни блага... *Скучно...* Накупила всякого барахла, а радости, счастья нет. У всех всё есть. Не добыла в жестокой битве в многочасовой очереди, а просто пошла и купила. Для женщин добывание пищи для семьи было сродни ежедневному подвигу. Нет, что-то мы с этим потеряли. Но странно, по этим «счастливым» временам не скучаем. Я во всяком случае.

Покупали часто впрок, а то ведь другой случай может долго не представиться. А отсюда заговаривание шкафов и кладовок. В общем, иногда я ощущала себя Коробочкой и Плюшкиным в одном лице. Но семью надо было одевать, кормить, лечить, учить.

Итак, вернусь к ревизии. Самое болезненное решение принималось в отношении нашей домашней библиотеки, которую мы собирали десятилетиями. С какими трудностями было связано собирание любимых книг, написано множество текстов такими же, как мы, книголюбями. Ночные очереди у книжного подписного магазина, спекулянты, перевозка многокилограммовых чемоданов с Дальнего Востока, из Монголии, из Москвы. Иногда удача улыбалась в каком-нибудь деревенском магазинчике, где попадался бестселлер, за которым в городе гоняется интеллигенция. В общем, наша библиотека – самое главное богатство нашей семьи. Долго думали, что делать. Оставлять себе, стискивая свое личное пространство до раскладушки? Но когда вам за семьдесят, уже хочется вытянуть больные ноги, сесть или лечь поудобнее. Мы с мужем постоянно достаем что-то с полки, перечитываем, потихоньку ностальгируем. Дети уехали, возвращаться в Ставрополь как будто не собираются. Да ведь сегодня можно найти любую книгу в интернете, при этом выбор не ограничен, места в доме не займет ни сантиметра. Молодые практически не пользуются бумажными изданиями. И тут мы с мужем подумали почти одновременно: конечно, с каждой книгой у нас связаны какие-то ассоциации, каждая из них как член семьи, у каждой своя история и свое место. Но мы за отпущенное нам время уже не успеем даже бегло перечитать своих любимых авторов. И наши замечательные книги будут лежать невостребованными, как элемент интерьера. Что делать, какое принять разумное решение, чтобы библиотека не пропала из-за не зависящих от нас обстоятельств, а хорошо, чтобы она попала туда, где ею воспользуются, где она, может быть, скрасит кому-то жизнь, утешит. Мы стали рассуждать, где сейчас читают книги: в школах – там свои библиотеки; библиотеки не берут – своих излишек; больницы – да! А вот еще тюрьмы, конечно же, тюрьмы! А в тюрьмах есть еще и больницы. У меня нет комплексов, что мои любимые книги будут брать в руки преступники. Неплохо осведомленные о состоянии нашей правоохранительной системы, мы имеем основания предполагать, что в наших тюрьмах и следственных изоляторах находится чуть ли не половина невинно осужденных. Мы, наша семья, не можем реально ничем помочь узникам, но, если удастся, мы можем облегчить им тяготы заключения, дав возможность читать хорошие книги.

Приняв такое решение, я разыскала своих бывших сослуживцев, один из которых составил мне протекцию в ставропольской тюрьме, а другой – в больнице следственного изолятора. Вскоре оттуда приехали молодые люди, которые проворно погрузили и увезли по 600 томов в каждое учреждение.

И еще одно соображение: если даже закоренелый преступник возьмет в руки любую из наших книг, хуже он не станет. А хорошие книги и написаны для того, чтобы мы становились лучше. Я, может быть, наивно, верю в это.

Еще несколько десятков любимых книг подарили друзьям, ну а самые-самые взяли с собой в наше новое непросторное жилище. Есть авторы, с которыми, как с родными и лучшими друзьями, невозможно расстаться ни при каких обстоятельствах.

Мы не жалеем о своем поступке и надеемся, надеемся...

Это мое совсем не лирическое отступление не относится к семейным альбомам, накопившимся более чем за полвека в количестве *одиннадцати* штук!

Когда я погрузилась в свой проект, вырисовался и жанр: книга – семейный альбом. Первоначальный замысел – фотоальбом с комментариями – из-за огромного объема разнообразных материалов независимым от меня образом перерос в книгу-альбом. Ведь детям следует узнать не только из учебников, но и от нас, свидетелей и участников, о жизни городов и нашей страны, и не только. Успеть бы.

И еще одно соображение возникло: ведь альбом, а тем более книга, – это хорошие, искренние памятники людям, которым они посвящены. Часто могилы наших родных разбросаны по разным городам и странам, посетить и поклониться им не всегда и не у всех будет возможность по разным причинам. А этому памятнику всегда найдется достойное место в доме потомков.

Взгляд в прошлое

Те, кто открыл эту книгу, кто бы он ни был, – внучка наша Саша, или другой потомок, или вовсе чужой, посторонний человек! Перед тобой отрывочные упоминания о нескольких десятках человек, составлявших маленький ручеек жизни на протяжении доступных автору рамок времени и объема памяти о них, родных, близких, любимых и не очень.

Этот ручеек с великим трудом и великими страданиями пробивался сквозь толщу времени, сквозь войны и лишения, беды, несчастья, болезни, поддерживал свое течение редкими удачами и краткими добрыми временами, а вернее сказать, надеждами, часто напрасными, на приход этих добрых времен. Он то расширялся, то сужался, порой грозя совсем исчезнуть, затеряться в песках времени, в забвении, то снова пробивался и начинал свой ток сначала, борясь за свое право на продолжение жизни рода, начавшегося в незапамятные времена.

Сегодня меня тревожит, не иссякнет ли этот ручеек, сможем ли мы сохранить его и передать своим детям, внукам. Наша ли это задача – хранить эти струйки жизни?.. Ведь задача человека не только в том, чтобы продолжить род и вырастить здоровыми детей, но и в том, чтобы передать им память и опыт ушедших предков. Проникнутся ли наши дети? Вопросов много, да кто бы на них ответил...

Если попробовать проследить хотя бы в пределах доступного нам времени судьбу одного-двух родов, то становится грустно. Например, семья, родоначальником которой был мой дедушка Павел Иванович Сердюков.

Судя по записи в дедушкином паспорте, он родился 22 июня 1882 года. Бабушка Надежда Петровна (урожденная Лысенко) родилась в 1891 году, а по семейным сведениям, – на Спас, следовательно, в начале августа. У них было трое детей: моя мама, Ксения 1911 года рождения, первенец, вторая дочь Вера 1914 года рождения и младший сын Аркадий, появившийся на свет, судя по дедушкиному паспорту, в 1922 году, а по другим данным, в 1921-м. Дата рождения моей мамы тоже в разных документах разная. Верная, скорее всего, в ее свидетельстве о рождении, выданном в странном месте, но об этом я подробно напишу в главе, посвященной моей маме.

Когда я пишу эти строки (2012—2017 годы), от троих детей дедушки и бабушки в живых, конечно, не осталось никого, а из внуков я, дочь старшей дочери Ксении, моя дочь, их правнучка Анна и моя же внучка, их праправнучка Саша 24 лет от роду; по линии второй дочери Веры не осталось никого, так как дочь Юля умерла еще в младенчестве, а Юрий, любимый внук бабушки, умер в 1966 году, и этот ручеек иссяк; а у младшего сына Аркадия здравствуют дочь Наталья (внучка) и ее сын Даниил (правнук) 25 лет от роду. Сын Аркадия Владимир, единственный из родни, живет с семьей в Буденновске, у него двое детей: дочь Ирина (правнучка) и сын Павел (правнук). Итак, сейчас (2017 год) дедушкин род представлен тремя внуками (я, Наталья и Владимир), четырьмя правнуками (Аня, Даниил, Ирина и Павел) и тремя праправнуками (Саша, Владик и Соня), то есть всего в живых потомков Сердюковых на 2017 год имеется десять человек (могло быть и больше):

*дедушка и бабушка – Павел и Надежда;

*дети – Ксения, Вера, Аркадий;

*внуки – (Лена), Юля, (Юра), (Юля), (Наталья), Наталья, (Павел), Владимир (в скобках – умершие до 2013 года). Слишком много рано умерших;

*правнуки – Анна, Даниил, Ирина и Павел;

*праправнуки – Саша, Владик, Соня.

Среди нашей родни нет больших начальников или разбогатевших коммерсантов. К коммерции, торговле наши родичи не проявили склонностей. Высшее образование получили я, моя дочь Анна и ее дочь Саша и внучка дяди Аркадия Ирина.

Очень хочется верить, что наше дерево, родовое древо, не засохнет, не сломается под ураганами жизни, которыми так обилен российский климат.

Что такое родина?

Самое трудное – решить, с чего начинать.

Начну с места, где я появилась на белый свет.

Сейчас в ходу слова «малая родина», при этом имеют в виду чаще всего населенный пункт, в котором родился человек, где прошли его нежные детские годы, место, к которому человек необъяснимо возвращается и возвращается своими мыслями и чувствами, как к чему-то особенному, драгоценному.

Магнетизм родных мест, где начинается жизнь любого человека, не ослабевающий, а усиливающийся к концу жизни (так случилось у меня), захватывает, притягивает и рождает желание не только эмоционально понять, но и узнать как можно больше обо всем, что происходило здесь в течение твоей жизни и задолго до твоего рождения.

Где границы *малой родины*? И что такое *родина* вообще? Хорошо бы определиться, а то у нас в наших идеологизированных головах столько путаницы, что заблудиться легко, а выпутаться не просто. Вот, например, очень многие мои сограждане путают понятия «государство», «страна», «родина», «отечество». Причем, те, кто имеет отношение к власти или хочет ей, власти, пографить, смешивают смыслы слов преднамеренно, я бы сказала, злонамеренно, чтобы втолочь «простым» гражданам в головы, что они обязаны испытывать одинаково позитивные чувства ко всем субъектам, этими словами обозначаемыми. Да и большинство «простых» соотечественников (и я в том числе, буквально до последнего времени) не дают себе труда разделить в сознании свои представления и отношение к сим предметам. А кто не согласен, тот не патриот, а иностранный агент и «пятая колонна».

Странную задачу ставят себе идеологи «патриотизма»: заставить людей любить места, где человек никогда не был или был проездом, с которыми у него не связано ничего личного. Но хуже всего, что люди поддаются убеждению, что, например, свое государство и его властные структуры надо любить так же, а то и больше, чем свою родную деревню, город, улицу.

Я же думаю, что любовь к своей Родине той же природы, что и любовь к матери, и кричать о ней с трибун на митингах нелепо.

Решила я для себя определиться: что же для меня есть *моя малая родина*. *Вернее, просто родина*. И выяснила, что как раз мой дом, улица, город, река, степь вокруг города для меня роднее, чем необозримый Советский Союз. Во всяком случае, в моем сердце они занимают больше места.

При размышлении о родине вообще всплыло слово прародина. И хотя я до сего дня не задумывалась о том, есть ли она у меня, но эта тема вдруг обрела и смысл, и интерес в связи с тем, что происходит последние месяцы и уже годы в Украине.

Я, конечно, знаю, что Сердюковы, Лысенко, Жуки, мои ближайшие родственники, родом из Украины. Об этом свидетельствовали рассказы моей бабушки Надежды, а также язык, на котором говорили дедушка и бабушка, дядя Аркадий и моя мама, когда она общалась со своими родителями. Это, конечно, не чистый украинский язык, но уж явно не русская речь. Они все между собой *балакали*.

Я всегда любила (наряду с русскими старыми народными) украинские песни. Обожаю украинский юмор. И всегда с удовольствием слушаю, хотя и не все понимаю, украинскую *мову*. Эта любовь, конечно, связана с детскими впечатлениями, так как я проводила много времени у бабушки и дедушки и пропитывалась атмосферой их речи. И сейчас украинская речь звучит для меня как мелодия из детства. И недавно я подумала: так вот же моя прародина! Ну конечно! Я очень близко принимаю все, что там, в Украине, происходит. К сожалению, у меня с уходом из жизни моего главного информационного источника о прошлом семьи, моей бабушки, – хохлушки-говорухи – исчезла и возможность заглянуть в историю семьи поглубже и узнать,

из каких мест в давние времена вышли наши переселенцы на Кавказ. Помнятся названия Воронеж, Полтава.

Слово «родина» отпечталось в моей голове с юных пионерских лет в виде стихотворных и песенных строчек как нечто обязательно великое, величавое, необъятное и даже грозное... Помните? «Величава, *неприступна*... Родина моя», «Но сурово брови мы насупим...». Так с насупленными бровями и живет моя большая родина. Все врагов выискивает-высматривает.

Термин «малая родина», получивший широкое хождение в последние годы, у меня тоже вызывает вопросы и смутные сомнения, но все же мне легче ассоциировать это понятие с моей реальной – не великой, а тем более не величавой, но бесконечно любимой родиной... И я решила сосредоточиться на описании именно того кусочка земного шара, который мне знаком с первых дней моей жизни, исхоженный вдоль и поперек, по кривой и косой за первые двадцать лет моей жизни, прошедшие там, на родине моей, частью которой я сама себя пожизненно ощущаю.

Однако дело в самом начале застопорилось на внятном описании места, где этот кусочек Земли разместился. Предполагая, что потенциальный читатель может оказаться родом из других краев, захотелось описать наши места так, чтобы, к примеру, и африканец при желании мог представить их хотя бы в общих чертах, каковы их приметы и особенности, чем можно зацепить читателя, чтобы уже на третьей строчке чтение не было прекращено.

Начнем со всем известного: во-первых, это Северный Кавказ, юг России, между северными овалами Черного и Каспийского морей, немного ближе к Каспию. Это если крупными мазками.

Теперь поподробнее. Хотя наши места и относятся к Северному Кавказу, но к собственно Кавказу, ассоциирующемуся с высокими крутыми горами, быстрыми хрустальными реками и величественными лесами, имеют слабое отношение. Правда, в ясную погоду на закате можно увидеть сверкающую белизной, удивительную, кажущуюся сказочной, плывущую в небе цепь Кавказского хребта и – о, чудо! – венчающий ее Эльбрус! Там, в той горной стране, наверняка все прекрасно, волшебное, сказочно. Глядя на эту картину, можно было мечтать о далеких прекрасных странах, о красивой интересной жизни, да мало ли о чем. «Юля, хватит мечтать о небесных кренделях», – прерывает мою сказку мама. Надо делать домашние задания. Этот сказочный пейзаж, видный из наших плоских мест в хорошую погоду, особенно в предвечерние часы, тоже был частью моей родины.

У нас в Прикумье в основном почти плоские, переходящие в полупустынные прикаспийские низменности, безлесные степи, ровные, продуваемые жесткими, летними, несущими пыль ветрами, песок со стороны Калмыкии. Весенние и летние пыльные бури несли беды сельскому хозяйству и неприятности жителям-степнякам. У ветров были собственные имена: «астраханец», понятно, дующий с февраля по апрель со стороны Астрахани, и «сурб-саркис», тоже зимний (конец января – февраль), получивший имя армянского святого по дате его чествования. Не исключаю, что оба эти ветра – один и тот же или близнецы-братья, герои мифологии двух этнических групп населения – армян и славян. Большая часть территории наших степей носит название Черные земли. Оно как нельзя точно характеризует эти места. Страшные рассказы циркулировали у нас о гибнущих в зимние метели путниках, чабанах. Оттуда на грузовиках вывозили замерзших овец, лошадей сотнями тысяч. Песня «Степь да степь кругом...» – это о реалиях степной жизни, не зря она трогала до слез и бывала обязательной в репертуаре домашнего песнопения, традиция которого умерла в 60-е годы XX века. Вот такие «веселые» места и приютили мою неуютную, но бесконечно милую моему сердцу родину. У нас нет прекрасных лесов, чистых ласковых рек, величественных гор. Казалось, что здесь всегда было пыльно, жарко или очень холодно, что знойные или ледяные ветры всегда хозяйничали, не встречая препятствий. Зябко или знойно, скучно было, есть и так будет всегда. Ну что тут напишешь интересного!

Но однообразие описанных картин наших мест было неожиданно нарушено. В один из моих ностальгических приездов в Буденновск я поделилась с Галей Король-Мельниченко (теперь Фроловой), моей одноклассницей и соседкой по квартире на улице Садовой, 60, о своих планах написать свои воспоминания о нашей жизни и наших местах. Она с пониманием приняла мои слова и со свойственной ей деловитостью посоветовала мне обязательно найти книгу Рубена Емельяновича Аджимамедова «Страницы истории Прикумья с древнейших времен». Вернувшись в Ставрополь, я разыскала в краевой библиотеке книгу (это был единственный, дарственный, экземпляр), изданную, судя по всему, за собственные средства автора тиражом 3000 экземпляров, напечатанную Буденновской типографией в 1992 году. Книга небольшая, всего 172 страницы.

Я очень рада, что узнала об этой книге. Именно с нее и началась моя интернет-архивно-библиотечная эпопея по добыванию, где только можно, достоверных сведений о родных местах. Примерно через полгода моих «путешествий» по просторам и закоулкам многочисленных исторических, литературных и другого рода источников я была потрясена, во-первых, их изобилием, а во-вторых, огромностью, боюсь сказать – величию, исторической фактуры, относящейся непосредственно к земле, лежащей буквально у меня под ногами! Наряду со жгучим стыдом от своего исторического невежества, я испытала такой душевный подъем, такой энтузиазм, что и сама испугалась масштаба задачи, логично вытекающей из моего нового знания. По силам ли мне собрать эти знания в увлекательный и в то же время компактный материал, который увлечет моих потомков, для которых я и затеяла свой труд, не только на чтение, но, может быть, и на более серьезное и глубокое изучение истории родов, родин-прародин? Да и успею ли я осуществить задуманное – ведь мне уже *семьдесят пять лет!* Но что теперь поддаваться сомнениям и колебаниям, я уже слишком глубоко погрузилась в свою идею, чтобы отступать. Глаза боятся, а руки делают. Надеюсь, что фрагментарные сведения, приведенные мной, послужат пробуждению интереса к богатейшей истории Прикумья. В Википедии и в огромном количестве исследований история этих мест как центра важнейших исторических событий Средневековья и более ранних эпох представлена очень широко.

Подвижник Рубен Аджимамедов

Главное, что я вынесла из чтения книги Р. Аджимамедова, что сам автор – человек удивительный, абсолютный энтузиаст-исследователь истории родных мест – проделал огромную работу, что прекрасное, увлекательное изложение, высокая концентрация описанных событий заслуживают высочайшей оценки.

Не заинтересоваться самим автором, моим земляком, было невозможно, и, убедившись в удивительности судьбы этого человека, не могу удержаться, чтобы не привести небольшой кусочек его биографии. Русский мальчик, примерно полугодовалый, оставлен в вагоне поезда №11 на железнодорожной станции Минеральные Воды в 1915 году. Указывается дата рождения 29.07.1915 г. Взят на воспитание в армянскую семью (судя по фамилии отца), крещен в армянской церкви города Святой Крест. Точная дата рождения, а также первоначально данное имя, вероятно, неизвестны. Приемными родителями ему даны имя Рубен, отчество Емельянович, фамилия Аджимамедов. Биологические родители-славяне, дай бог им счастья, скорее всего, и знать не знали, какого сына они подарили добрым людям и стране.

Приемная мать Ольга Герасимовна (судя по имени – русская) умерла в 1957 году. Рубен окончил институт имени Плеханова, в 1936—1939 годах работал на Колыме, на Чукотке, в Якутии. С 1939 по 1946 год – армия, Харьковское военно-авиационное училище, закончил 1-ю Рязанскую высшую офицерскую школу ночных экипажей авиации дальнего действия, воевал; был советником посольства СССР в Иране, Югославии, на Кубе; с 1978 года – на пенсии, написал три книги по экономике геологоразведочных работ, более пятидесяти очерков по истории Прикумья. Многие годы собирал и изучал исторические материалы, результатом его исследований стала книга. Несмотря на небольшой объем, она оценивается многими другими исследователями как серьезный научный труд, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки на эту работу. Такими людьми следует гордиться и «малой» и «большой» родине и воздавать им должное за их подвижничество и неподдельный патриотизм. Повезло ему, повезло приемным родителям, повезло нам всем, в том, что, казалось бы, слепой случай так счастливо создал эту судьбу.

Несмотря на трагическое, скорее всего, начало жизни Аджимамедова, мало хорошего обещавшее дорожному подкидышу, судьба его сложилась наполненной и, по-моему, счастливой. Несчастный человек не прожил бы такую богатую биографию, не взялся бы за ту работу, можно сказать, миссию, которую он возложил на себя в стремлении исследовать и донести до сограждан сведения о прошлом территории, на которой мы живем, будучи убежденным, что знание этого прошлого необходимо для любого гражданина и особенно для молодых людей. Его небольшая по объему, но не по содержанию книга, по моему мнению, значимый поступок человека, сделавшего целью своих трудов просвещение людей, своих земляков. Мне кажется, что было бы очень хорошо издать его книгу большим тиражом, чтобы ее прочитал каждый школьник, живущий в Буденновске, и вообще, в наших краях. Это на самом деле живо и увлекательно написанная книга, которая очень убедительно описывает бури и вихри событий, страстей и трагедий, побед и поражений, войн и великих переселений народов, сменяющих друг друга; при этом центр этих исторических пертурбаций располагался непосредственно на прикумских территориях или вблизи них.

После прочтения этой книги у меня создалось такое впечатление, будто я посмотрела удивительный исторический сериал о прошлых эпохах, охвативший почти полтора тысячелетия. Воздух наших мест переполнен памятью об описанных автором и другими исследователями событиях. Наши края мне долго казались неинтересными, унылыми. Плоский рельеф, неуютный засушливый климат, хозяйничающие холодные или пыльные знойные ветра, бедный растительный и животный мир. Ну о чем можно тут рассказывать? Степь, она и есть степь.

Оказывается, так скучно здесь было не всегда. Вот что пишет Д. Л. Иванов в книге «Влияние русской колонизации на природу Северного Кавказа»: «Свели леса, всё распахали», «...быстро вытеснили кочевников». О животном мире: «В древние времена здесь жили дикие быки-туры, антилопа сайга, дикие ослы, лошадь тарпан, бурые медведи, дикие кабаны, барсуки, фазаны, лисы, волки, корсак и всякая мелочь; гадюки, медянки, ящерицы, черепахи и даже удавы и питоны». Насчет удавов и питонов – ну, не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.